

СОРОКА

ОБРАЩЕНИЕ

Роман не для всех.

Она не крадет.
Она присваивает.
И называет это
своей судьбой.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Константин Гуркин

18+

Константин Гуркин
Сорока. Обращение

«Автор»

2026

Гуркин К.

Сорока. Обращение / К. Гуркин — «Автор», 2026

«Сорока востра — берёт, что блестит, а в гнезде у неё всё чужое да краденое». Марьяна живёт в новом микрорайоне с говорящим названием «Новая Жизнь», на улице Прощения. У неё есть всё для счастья: своя квартира, любящий муж, дочь, отец, готовый отдать последнее. Но Марьяне всего этого мало — ей нужен блеск, чужой и краденый. И ради него она готова пустить под нож собственную семью. Это история падения — медленного, неотвратимого, затягивающего. Вокруг Марьяны те, кого она тащит за собой на дно, и те, кто сумеет подняться. А ещё — девочка, которой предстоит сделать выбор. «Сорока. Обращение.» — роман-предостережение, с которого невозможно сойти, как с разогнавшегося поезда. Двойной смысл названия раскрывается лишь на последней странице. Книга основана на реальной истории. Роман не для всех.

© Гуркин К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Часть первая	6
Глава 1. Город Обломов	7
Глава 2. Кухонный разговор	10
Глава 3. Отец	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Константин Гуркин Сорока. Обращение

Глава

Сорока. Обращение.

Роман не для всех

Константин Гуркин

Сорока востра — берёт, что блестит, а в гнезде у неё всё чужое да краденое.

Часть первая

Новая жизнь
середина 2010-х
* * *

Глава 1. Город Обломов

В каждом дворе есть свой такой человек. Тот, мимо которого стараются пройти быстрее, о ком говорят вполголоса на лавочках, от кого берегут мужей, детей и душевный покой. Чаще всего это тихая беда, домашняя, притерпевшаяся, — её знают, обходят и терпят. Но иногда такой человек оказывается не бедой, а стихией. И тогда выгорает всё вокруг — семьи, дружбы, чужие судьбы, — а сам он сидит посреди пепелища и поёт, что он само совершенство.

Это история про одного такого человека. И про двор, которому достался.

Но начать придётся издалека — с города, потому что человек всегда немного похож на место, где живёт.

* * *

Город Обломов стоит в Московской области так, как стоят вещи, которые забыли выбросить, — не мешает, но и не нужно. Сто тридцать с небольшим тысяч человек. Электричка до столицы идёт час двадцать — достаточно далеко, чтобы чувствовать себя отдельно, и недостаточно близко, чтобы чувствовать себя частью чего-то большого.

На северной окраине, там, где город сходит на нет и начинаются перелески, ещё недавно лежали клубничные поля. Большие, душистые, на всю округу — местный совхоз славился своей клубникой, за ней приезжали из соседних районов, и в июне весь край пах ягодой. Старожилы вспоминают эти поля с тоской, как вспоминают молодость: вот тут, говорят, была клубника, по колено, наклонишься — и горстями, а теперь — вон, дома стоят. На месте полей вырос микрорайон.

Назвали его «Новая Жизнь». И, если верить гляцевому проспекту девелопера — с его солнечными картинками, улыбающимися семьями на фоне идеальных дворов и обещаниями, набранными бодрим шрифтом, — это должен был стать не микрорайон, а мечта. К завершению проекта обещали возвести три школы, три детских сада, торговый центр, оздоровительно-культурный центр с бассейном, современную поликлинику. «Всё для жизни в шаговой доступности», «Город в городе», «Здесь начинается ваше будущее» — сулил проспект, и будущие новосёлы, разглядывая рендеры с зелёными бульварами и фонтанами, верили, потому что хотелось верить.

Будущее, как водится, наступило не совсем такое. Школу к нужному сроку открыли одну вместо трёх, садик — один, поликлинику отложили «на следующую очередь», бассейн так и остался на картинке, а бульвары с фонтанами обернулись вытоптаннами газонами и парковкой. Но это выяснилось позже. А пока на бывших клубничных полях росли полосатые корпуса, и проспект обещал рай.

Москва здесь — это горизонт. Все смотрят туда. Некоторые доезжают.

Остальные остаются.

По субботам на рынке у автостанции торгуют картошкой, китайскими носками и распродай. По воскресеньям у церкви Сергия Радонежского стоят нищие — три человека, всегда одни и те же, их знают по именам. Раз в год, в августе, на главной площади устраивают День города: сцена, надувной батут, певица из соседнего райцентра, которую объявляют «звездой эстрады», и салют в десять вечера, после которого все расходятся, обсуждая, что в прошлом году салют был лучше.

В остальном здесь ничего не происходит. Люди рождаются, ходят в школу, женятся, выгуливают собак, болеют, выходят на пенсию, сидят летом на лавочках у подъездов и провожают глазами тех, кто уезжает в Москву. Город Обломов носил своё имя так, словно кто-то наверху пошутил, а шутку не поняли и оставили как есть.

Строить начали в две тысячи пятнадцатом. Назвали микрорайон «Новой Жизнью» без иронии — с той искренней верой в слова, которая бывает только у застройщиков и новорож-

дённых. А сам девелопер назывался «Финанс Дом» — название деловое, серьёзное, обещающее надёжность людей, которые умеют считать деньги. «Финанс Дом» не был самым успешным застройщиком области. Не был и самым плохим. Был средним — как город, как электричка, как всё здесь. Один из домов он сдал с протекающей кровлей на верхнем этаже, и жильцы два года судились, прежде чем им всё починили. Но об этом будущие покупатели не знали, а если бы и знали — квартиры были такие дешёвые, что закрывали глаза. Дешевизна всё прощала: и недостроенный бассейн, и севшую на «следующую очередь» поликлинику, и клубничные поля, закатанные под фундамент.

Улицу назвали улицей Прощения.

Кто придумал это название — неизвестно. Может, районный топонимический комитет, может, случайность, может, чья-то шутка, которую не поняли и приняли всерьёз. Рядом были улицы поскучнее — Молодёжная, Строителей, проезд Энергетиков. А эта — Прощения. Старухи, въехавшие в новый дом, поначалу крестились, услышав адрес, будто в нём было что-то церковное, отпевальное. Потом привыкли. К названиям привыкают.

Дом тринадцать, корпус один вырос к две тысячи шестнадцатому году — четырнадцатизэтажный, каркасно-монолитный, обложенный кирпичом в горизонтальную полоску. Кирпич был разноцветным: светло-жёлтый чередовался с терракотовым и белым, создавая рисунок, который архитектор, возможно, считал нарядным. Жители района решили иначе.

— Видала, какой матрас построили? — сказала одна женщина другой ещё на стадии лесов, кивая на полосатую стену.

И прилипло. «Матрас» — намертво, как все точные прозвища. В адресной строке дом значился как улица Прощения, тринадцать, корпус один. В разговорах — просто Матрас. «Ты где живёшь?» — «Да в Матрасе, третий подъезд». И всем было понятно.

Два подъезда. Детская площадка во дворе с горкой, которую поставили ровно посередине — так что с неё одновременно открывался вид на мусорные баки и на чахлые берёзы у ограды. Парковка на сорок машин, которой с первого дня не хватало, и из-за которой соседи переругались ещё до того, как толком познакомились. Перед домом — пятачок с лавочками. Летом здесь сидели старухи, лузгали семечки и обсуждали, кто въехал, кто съехал, у кого ремонт громче положенного. Зимой не сидел никто.

Это место не было плохим. Не было хорошим. Было — никаким. Чистым листом, на котором жизнь обещала написать что-то новое.

Жизнь редко выполняет такие обещания.

Но люди покупали квартиры — на окраине, в новостройке, они стоили дёшево, дешевле всего в городе, и это был тот редкий случай, когда своё жильё оказывалось по карману почти каждому. Небольшие квартиры, новый дом, новый район, новая жизнь. Въезжали с диванами и коробками, с детьми и собаками, с надеждами, которые у всех были примерно одинаковыми и у всех — своими. Кто-то бежал от съёмных углов. Кто-то делил жильё после развода. Кто-то покупал первую в жизни собственную квартиру и плакал в день, когда получал ключи.

Среди тех, кто только присматривался к этим квартирам, была женщина по имени Милютина Марьяна.

Ей было тридцать два года. У неё был муж, дочь двух лет и йоркширский терьер, которого она ещё не завела, но уже знала, как назовёт. Обычная молодая женщина — таких тысячи. Замужем, с ребёнком, мечтает о своём угле. Ничего особенного, ничего дурного на первый взгляд. Хорошенькая ещё, следящая за собой, с ровным маникюром и мечтательным выражением лица. Из тех, на кого посмотришь в очереди или в офисе продаж — и подумаешь: милая, наверное, у неё всё хорошо.

Квартиру она ещё не купила. Она выбирала. Ездил на просмотры, ходила в офис продаж — стеклянный павильон у въезда в микрорайон, с макетом будущей «Новой Жизни» под стек-

лом: крошечные домики, крошечные деревца, крошечные счастливые фигурки на крошечных бульварах.

— А вот эта планировка — очень удачная, — ворковала менеджер, молоденькая девушка в фирменном шарфике, водя пальцем по плану. — Кухня-гостиная, светло, окна на восток. Тут у вас будет столовая зона, тут диванчик, телевизор. Представляете, как уютно?

— Представляю, — мечтательно тянула Марьяна, и она правда представляла — ясно, в красках. — А вот эту, побольше, трёшку, покажите. Я, знаете, не люблю тесниться. Мы люди не бедные, нам бы просторнее. С лоджией обязательно. Я буду там цветы держать, кофе по утрам пить, на лес смотреть. Я ведь натура такая... мне простор нужен, воздух. Не как все эти, в клетушках.

— Конечно-конечно, — кивала менеджер, ведя её к макету трёшки. — Вот, смотрите, какая лоджия. Французское остекление. Вид на зелёную зону.

Девушка вела её к дорогой планировке, а сама уже считывала — намётанным глазом продавца, повидавшего сотни таких. Покупательница была из «мечтательниц»: те, что приходят, ахают, примеряют трёшки с лоджиями, говорят «мы люди не бедные» — а потом или не покупают вовсе, или берут самую дешёвую студию в ипотеку под мамин поручительство. Сумочка не та, обувь не та, маникюр домашний. Не та порода, что приходит и молча выписывает чек. Но виду менеджер не подавала — улыбалась, водила пальцем по макету, потому что мало ли, всякое бывает, а нахамить успеется.

— А по цене эта трёшка как? — спросила Марьяна небрежно, тем особым небрежным тоном, каким спрашивают о цене именно те, для кого цена решает всё.

— Сейчас уточню по прайсу, — пропела менеджер, и в этой готовности «уточнить по прайсу» было всё: и что цена кусачая, и что девушка уже поняла — не возьмёт, но отработывает.

— Да вы не уточняйте пока, — спохватилась Марьяна. — Я ещё смотрю. Выбираю. Я ж не одну новостройку обхожу, надо сравнить. — И добавила, чтоб не уронить себя: — У меня требования высокие.

— Правильно, выбирайте, — согласилась менеджер с той же ровной улыбкой. — Хорошее жильё спешки не любит.

— Вот! — Марьяна сияла, пропустив укол мимо ушей, как пропускала всё, что не льстило. — Вот это моё. Я сразу чувствую, когда моё. Мы возьмём эту. Заживём наконец по-человечески. Маша в свою комнату, я кабинет себе сделаю, творческий. Я, может, писать начну или рисовать — давно хочу, всё некогда. А тут — пространство, вдохновение. Новая жизнь, как у вас и написано.

Менеджер улыбалась, кивала, считала про себя проценты с возможной сделки. А Марьяна стояла над макетом будущего микрорайона, над крошечными счастливыми фигурками на крошечных бульварах, и видела среди них себя — нарядную, состоявшуюся, с собачкой на руках, на лоджии с цветами, с чашкой кофе, на фоне леса. Картинка была — загляденье. Утопия в фирменном шарфике, под стеклом, с видом на зелёную зону.

Всё это будет, думала Марьяна. Я заслужила. У меня будет красиво. У меня всё будет как надо.

Она ещё не знала, во что обойдётся эта картинка и как мало от неё останется. Не знала, что трёшку с лоджией ей не видать, что вместо леса будут окна на баки, что вместо новой жизни здесь начнётся её медленный конец. Не знала ничего. Стояла над макетом, молодая, хорошенькая, полная надежд, как сотни других, въезжавших сюда с диванами и мечтами. И мечтала вслух — искренне, заразительно, почти трогательно.

Пусть пока помечтает. Дальше будет не до того.

* * *

Глава 2. Кухонный разговор

Вечером Марьяна завела разговор с Олегом.

Они сидели на кухне их съёмной двушки — той самой, за которую каждый месяц уходила изрядная часть Олеговой зарплаты в чужой карман. Олег только пришёл с работы, ел разогретый ужин, усталый, в рабочей ещё футболке. Маша спала. По телевизору без звука шло что-то вечернее. Обычный вечер обычной семьи.

Марьяна села напротив, подперла щеку рукой, и Олег сразу понял по её лицу — что-то задумала. У неё было особое лицо для таких разговоров: оживлённое, с блеском в глазах, с той решимостью, которая означала, что решение уже принято, а разговор — так, формальность.

— Олег. Я тут подумала. Нам надо свою квартиру.

— Надо, — согласился он, не отрываясь от тарелки. — Кто ж спорит. Накопим — возьмём. Ипотеку, может. Я в банке узнавал, если...

— Какую ипотеку. — Марьяна поморщилась, будто он сказал глупость. — Двадцать лет в кабале? Нет. И вообще — не «нам». Мне. У меня должна быть своя квартира. Понимаешь? Сво-я. Чтoб моя была, и точка. Я не должна жить по съёмным углам, как не пойми кто. Я этого не заслужила.

Олег поднял глаза от тарелки. Что-то в этом «мне», в этом подчёркнутом «своя» кольнуло его — едва уловимо, на грани. Будто в слове «своя» не было места ни ему, ни даже Маше. Будто она говорила о чём-то, что будет принадлежать ей одной, отдельно от семьи, поверх семьи. Но кольнуло — и прошло; он не умел ловить такие тонкости, отмахнулся, решил, что послышалось, что она оговорила в запале.

— Ну, своя так своя, — сказал он миролюбиво. — Семейная. Какая разница.

— Большая разница, — обронила Марьяна, но развивать не стала. — Ладно. Слушай дальше. Я придумала, как. Пусть отец купит.

Олег поднял глаза от тарелки.

— Отец?

— Ну да. Папа. Он же может. У него деньги есть, он один живёт, на что ему. А тут — родная дочь, внучка. — Марьяна говорила всё увереннее, разогреваясь от собственной идеи. — И вообще. Он Катьке купил квартиру? Купил. В Твери, трёшку, с эркером. Подарил — взял и подарил. А я что, хуже? Я ему тоже дочь. Пусть и мне купит. Это справедливо.

Олег медленно прожевал, отложил вилку.

— погоди. Он Кате прямо купил? Целиком?

— Конечно целиком! — Марьяна махнула рукой, как от чего-то очевидного. — Подарил квартиру, и всё. Они там с мужем своим живут припеваючи, в трёшке с эркером, а мы тут по съёмным мыкаемся. Несправедливо же. Вот я и говорю — пусть теперь мне. Уравняет.

В её голове это было давно решённым фактом, не подлежащим сомнению: отец купил Кате квартиру. Целиком, от и до, взял и подарил. Откуда она это взяла, на чём основывалась — неважно; она в это верила, потому что так было удобнее верить. Так выходило, что Кате досталось даром, по любви, а значит, и ей, Марьяне, положено даром, по той же любви. Иначе — обида, несправедливость, обделили.

Олег смотрел на неё с лёгким недоумением. Он Катю видел пару раз, она ему понравилась — спокойная, толковая женщина, врач, без гонора. И что-то в Марьяниной версии не сходилось.

— А отец-то сможет? — спросил он просто. — Это ж не три копейки — квартиру купить. Откуда у него столько? Он же обычный врач, не олигарх.

И вот тут Марьяна на секунду запнулась. Потому что вопрос был резонный, а ответа у неё не было. Сможет ли отец — она не знала. Она не считала его денег, не вникала, есть ли

у него такая сумма. Ей просто было нужно, чтобы смог. А раз нужно — значит, сможет. Так работала её голова: желаемое автоматически становилось возможным.

— Сможет, — сказала она, отбросив запинку. — Найдёт. Захочет — найдёт. Катке же нашёл. Значит, и мне найдёт. А не захочет — значит, любит её больше, чем меня. Вот пусть и докажет, что любит.

Олег хотел сказать, что одно с другим, может, и не связано, что родитель — не банк, что нельзя мерить любовь квартирами. Но не сказал. Он редко возражал Марьяне, когда она входила в это состояние, — себе дороже. Подумал только, что жена перевозбудилась, загорелась идеей, наговорит сейчас лишнего, а наутро остынет. Списал на горячку.

А Марьяна не остывала — наоборот, разгонялась.

— И вообще, — продолжала она, — чем я хуже Катки? Да я лучше. Она серая вся, скучная, врачиха эта. Сидит в своей Твери, дежурства, больница, дети сопливые. Тоска. А я — я другая. Я тоньше, я ярче. У меня вкус есть, у меня запросы. Я просто пока не развернулась, обстоятельства не дали. А дай мне возможности — я бы её за пояс заткнула. Она своего доби-лась? Так ей просто повезло, подвернулось. А мне всё палки в колёса. Несправедливо устроен мир, Олег. Одним всё, другим ничего.

Олег слушал и хмурился. Ему было неловко за эти слова. Катя ничего Марьяне не сделала, жила себе тихо за сотни километров, открытки отцу слала. А Марьяна поливала её — с каким-то азартом, с удовольствием даже, будто унижая сестру, она сама становилась выше. Будто на фоне «серой скучной Катки» ярче горел её собственный, ничем пока не подтверждённый свет.

Он не знал, что это — её способ. Возвышаться, принижая. Чувствовать себя кем-то, делая других никем. У неё не было своих достижений, которыми можно гордиться, — ни работы, ни дела, ни таланта, доведённого до толку. Оставалось одно: объявить, что все вокруг хуже. Тогда автоматически выходило, что она — лучше. Дёшево, но работало. По крайней мере, для неё самой.

— Да брось ты про сестру, — буркнул Олег наконец. — Нормальная она. Чего ты на неё.

— А того, — отрезала Марьяна. — Того, что ей всё, а мне ничего. Но это мы исправим. Я к отцу съезжу. На выходных. И всё решу. Вот увидишь.

Олег вздохнул, доел остывший ужин, отнёс тарелку в раковину. Он не верил толком, что из этого что-то выйдет, — казалось, фантазия, горячка, наутро забудется. Не знал он ещё, что Марьяна, если чего захотела, не забывает и не отступает. Что она и правда поедет к отцу. И что-то да выбьет — не всё, чего хочет, но выбьет. Она всегда выбивала.

Постоял у раковины, подбирая слова — давались они ему туго, как всегда, когда надо было сказать что-то поперёк жене.

— Марьян. А неловко не будет — у отца-то просить? — выговорил он наконец, не обращившись, глядя в окно. — Он же не молодой. Пенсия скоро. Ему самому копить надо, на чёрный день. Может, мы лучше сами как-нибудь? Подкопим, я подработку возьму, на вахту могу податься, платят там...

— На вахту он соберётся, — фыркнула Марьяна. — Лет за десять накопишь на свою однушку, спасибо. Нет уж. Отец родной, не чужой. Для дочери, для внучки — это нормально. Все родители помогают. Только твои вон в деревне, у них и просить нечего, а мой может. Значит, должен.

— Должен-то должен... — Олег повернулся. — Просто он не обязан, понимаешь. Это ж его деньги, его жизнь. Дать — это подарок, а не...

— Ой, Олег, не начинай, — оборвала она. — Философ нашёлся. Деньги у него лежат, всё равно без толку лежат, с котом своим сидит. А тут дело. Квартира. Польза. Чего им зря лежать. Пусть лучше мне отдаст, при жизни, чем потом неизвестно кому достанется.

Олег хотел сказать, что «потом» и «при жизни» — это страшные слова про живого ещё отца, что нельзя так про родителя — как про кошелёк, из которого надо вынуть, пока не поздно. Но не нашёл, как. Слова опять застряли. Он только посмотрел на неё — без осуждения даже, а с какой-то усталой оторопью, как смотрят на человека, который говорит чудовищное и не замечает этого. Марьяна взгляда не поняла. Решила — завидует, что у него родители бедные.

Маша заворчалась во сне за стенкой, что-то пробормотала. Олег пошёл проверить — поправил одеяло, постоял над дочкой, погладил по голове. Вернулся на кухню. Марьяна уже листала телефон — снова фотографии квартир, планировки, лоджии. Лицо у неё было мечтательное, довольное, уже там — в трёшке с эркером, не хуже Катькиной, а лучше.

Она не сомневалась ни секунды, что всё будет так, как она решила.

Жизнь готовила ей первый из многих своих ответов. Но об этом — в следующей главе.

* * *

Глава 3. Отец

Валентин Сергеевич Милютин принимал по вторникам и четвергам. В остальные дни он работал в областной психиатрической больнице — той самой, с облупившимся забором и соснами во дворе, которые никто не сажал, они выросли сами, между корпусами, не спрашивая разрешения. Кабинет у него был небольшой: стол, два кресла, окно во двор, кушетка, застеленная казённым пледом. На подоконнике — кактус, который он не поливал неделями и который от этого только лучше себя чувствовал. На стене — репродукция Шишкина в рамке под стеклом. Ни одной личной фотографии.

За тридцать лет работы Валентин Сергеевич выслушал столько чужих несчастий, что научился отгораживаться от них тонкой, но прочной стеной профессиональной отстранённости. Он умел кивать, не впуская. Сочувствовать, не проваливаясь. Это была не чёрствость — это была гигиена. Без неё в его профессии сгорали за пять лет.

Дома стену снимать было не от кого. Дома был кот.

Марьяна позвонила в среду вечером.

— Папа, мне нужно с тобой поговорить.

Он узнал интонацию сразу. За тридцать лет работы с людьми, которые чего-то хотят от других, — а психиатрия, если честно, во многом именно об этом — он научился слышать голос прежде слов. Эта интонация означала: разговор будет долгим, и в конце он что-то потеряет.

— Приезжай в воскресенье, — сказал он. — К обеду.

— Я лучше к одиннадцати. У меня потом дела.

— К одиннадцати так к одиннадцати.

Она приехала к одиннадцати.

Валентин Сергеевич жил в двухкомнатной квартире на четвёртом этаже, один — если не считать кота Тихона, рыжего, ленивого, занимавшего большую часть дивана и смотревшего на мир с той спокойной безучастностью, которую Валентин Сергеевич втайне уважал. После второго развода он купил себе этот диван, этого кота и приучился варить кофе по утрам в полной тишине. Это были лучшие пятнадцать минут его дня.

Марьяна вошла с запахом чужих духов и с тем выражением лица, которое он про себя называл рабочим. Поцеловала его в щёку — аккуратно, не размазав помаду. Сняла пальто, повесила сама, не дожидаясь. Огляделась. Он знал: она считает метры. Всегда считала, с детства, ещё девочкой, приезжая к нему по выходным после развода с её матерью, — обходила квартиру, заглядывала в шкафы, прикидывала, что где лежит и сколько стоит.

— Кофе будешь? — спросил он.

— Давай. У тебя ремонт, что ли?

— Кухню покрасил.

— Светло стало. — Она провела пальцем по подоконнику, посмотрела на палец. — Пыльно только. Ты бы тряпкой хоть иногда.

Он промолчал. Поставил турку на плиту.

Тихон спрыгнул с дивана, подошёл, обнюхал Марьянины туфли и, не найдя в них ничего интересного, удалился обратно. Марьяна котов не любила — от них шерсть, и они ходят сами по себе, не подчиняясь. Она любила свою будущую собачку, которую ещё не завела: собачку можно одеть, взять на руки, сфотографировать. Кот для фотографии не годился — он не позировал.

Они выпили кофе. Марьяна говорила о Маше — как растёт, как начала складывать слоги, как похожа на него, на Валентина Сергеевича, хотя никакого сходства тот не замечал. Говорила об Олеге — хороший человек, работает, не пьёт, руки золотые. Перечисляла, как читают

характеристику с места работы. Потом помолчала немного, с той паузой, которая означала: сейчас начнётся настоящее.

— Пап. — Она поставила чашку. — Я квартиру присмотрела. Себе. Точнее, нам, Маше — ну, понимаешь.

Он взял свою чашку. Кофе уже остыл.

— Какую квартиру.

— В Обломове, новый район, «Новая Жизнь», слышал, наверное? Там застройка идёт, дома хорошие. Я смотрела несколько вариантов. Есть трёшка — большая, кухня двадцать метров, лоджия, окна на лес, не на помойку. Вот это — да, это для нормальной жизни. Не как мы сейчас по съёмным углам ютимся. Я же не для того... я достойна нормального жилья, пап. И Маша достойна.

Он смотрел на неё. Тридцать два года. Взрослая женщина с мужем и ребёнком. Сидит напротив него на кухне, где краска ещё пахнет, и рассказывает про трёшку с окнами на лес — на которую у неё нет и десятой части.

— Трёшку, — повторил он без выражения.

— Ну а что. Я что, на конуру какую-то должна размениваться? Я так не привыкла и привыкать не собираюсь. Лучше сразу хорошее, чем потом всю жизнь жалеть. Ты же понимаешь.

За тридцать лет он принял несколько тысяч человек и научился слышать то, чего люди не говорят. Марьяна сейчас не говорила: я устала снимать, помоги. Она говорила: дай денег на жизнь, которую я себе вообразила. Не на квартиру — на образ. На трёшку с лоджией, в которой она видела не стены, а доказательство, что она не как все, что она достойна, что она — особенная. Манипуляция была не тонкой — она у Марьяны никогда не была тонкой, — но настойчивой, как капля, точащая камень. И за всем этим стояла спокойная, ни на секунду не дрогнувшая уверенность: отец даст. Даст сколько надо. Потому что ей положено.

— Сколько, — сказал он.

Она назвала сумму — ту, что стоила трёшка с лоджией. Он не поморщился — за годы практики отработал лицо до состояния чистого листа. Но внутри что-то опустилось: столько у него не было. Близо не было.

— Это на всю квартиру. Целиком, — добавила она быстро. — Никаких кредитов, никаких долгов. Своё, чистое. Я узнавала — как раз хватит.

— Нет у меня столько, Марьяна, — сказал он просто.

— В смысле? — Она моргнула. В её картине мира этого пункта не было.

— В прямом. Нет таких денег. Я врач, а не банк. Откладывал всю жизнь по копейке — кое-что есть, но не это. На трёшку с лоджией у меня нет и половины.

Он встал, подошёл к окну. Во дворе старуха кормила голубей — методично, горстью за горстью; птицы топтались у её ног и не улетали. Тихон вспрыгнул на подоконник, посмотрел вниз с профессиональным охотничьим интересом и лёг, прикрыв глаза, решив, что голуби далеко и шевелиться ради них не стоит.

И тут Марьяна пустила в ход то, что приберегла, — главный свой довод, козырь, который, как ей казалось, бил наверняка.

— А Катьке? — сказала она с обидой, с напором. — Катьке ты квартиру купил! Целую трёшку, с эркером, в Твери! Взял и подарил! А мне, значит, нет? Ей можно, а мне нельзя? Я тебе что, не дочь? Я хуже?

Валентин Сергеевич обернулся. Посмотрел на неё долго.

— Я Кате не покупал квартиру, — сказал он наконец. — Кто тебе сказал, что покупал?

— Ну а как же... все знают... ты ей подарил...

— Я ей помог, — сказал он. — Помог. Дал часть — приличную часть, не спорю, больше, чем дам сейчас тебе, потому что тогда я был моложе и при деньгах, ещё практику частную вёл. Но не всю стоимость, Марьяна. Половину, может, чуть больше. А остальное Катя с мужем

добавили сами. Они копили. Восемь лет копили, в кредит влезли, выплачивали, во многом себе отказывали. Катя дежурства брала ночные, муж на двух работах. Они эту квартиру горбом своим до конца дотянули. Я только подтолкнул. А заработали — сами.

Марьяна смотрела на него и не верила. Точнее — не хотела верить. В её голове давным-давно засела удобная картинка: отец взял и подарил Кате квартиру, по любви, даром, потому что Катю любит больше. На этой картинке держалась вся её обида, вся её правота, всё её «мне положено». А теперь картинку рушили. Оказывалось, Катя не получила даром. Катя — заработала. Сама. Большую часть — сама.

Это не укладывалось. Это было неудобно. И Марьяна сделала то, что делала всегда с неудобной правдой, — отмахнулась, не приняла, оставила при себе прежнюю версию. Ну, помог. Всё равно помог. Всё равно дал. Значит, и мне должен.

— Ну всё равно ж дал, — сказала она упрямо. — Значит, и мне дай. Сколько можешь.

Валентин Сергеевич устало потёр переносицу.

— Вот это другой разговор, — сказал он. — Дам что смогу. Большого нет. А уж на что хватит — на то хватит, смотри сама. Сядешь, посчитаешь, поглядишь свои объявления. Только трёшку из головы выкинь сразу, чтоб не растревлять себя. Не на трёшку это будет, тут и к гадалке не ходи. А что получится — то и бери. И то отдам почти всё, что копил, — мне потом самому ещё работать и работать, восстанавливаться. Это правда последнее, Марьяна. Не жадничаю. Просто больше нет.

Он не лукавил. Он отдавал ей и впрямь последнее — то, что копил на старость, на чёрный день, на свою тихую усталую жизнь с котом и кофе по утрам. Отдавал, зная, что не отдаст она ему ни заботы, ни благодарности, ни даже памяти об этом. Отдавал, потому что отец. Потому что не умел иначе. И в этом не было ни расчёта, ни урока, ни насмешки — была простая, усталая, безответная родительская любовь, отрывающая от себя последнее для той, что и спасибо-то скажет сквозь зубы.

Марьяна смотрела на него, и на лице её проступало не благодарность — нет. Растерянность пополам с обидой. Будто её обсчитали. В её голове трёшка с лоджией была уже почти её, она уже расставляла там мебель, — а выходило что-то совсем не то, маленькое, тесное, окнами во двор.

— Это же курам на смех, — проговорила она, и голос дрогнул не от боли, а от ущемлённого. — Как нищенка. Я не для того...

— Какая выйдет, такая выйдет, — сказал он мягче. — Своё жильё. Не каждому даётся. А мало покажется — заработаешь на большее. Руки, ноги есть. Голова есть.

Но Марьяна уже не слушала про «заработаешь». Это слово к ней не прилипало никогда.

У него была ещё дочь. Старшая, Катя, от первого брака. Она жила в Твери, работала врачом, замужем, двое детей. Каждый год в его день рождения присылала открытку — бумажную, по почте, что в наше время почти чудачество. Внутри всегда несколько строк от руки: как дела, приезжай, обнимаем. Ни разу за всю жизнь ничего не попросила. Он иногда думал об этом — о двух дочерях, выросших у одного отца, и о том, какими разными они получились. И не находил ответа, хотя ответы искать было его профессией.

— Пап. — Марьяна, оправившись от обиды, зашла с другого бока, мягче. — Ну хорошо, пусть поменьше, раз так. Но дай хоть на всю, целиком. Чтоб без долгов. Ты же понимаешь, это важно. Для Маши. Ребёнку нужна стабильность, своё место. Дети так устроены — им нужен дом.

«Дети так устроены». Он усмехнулся внутри. Она цитировала его же — случайную фразу из какого-то давнего разговора, может, десятилетней давности. Подобрала и приберегла. Доставала в нужный момент. Сорока — мелькнуло у него, и он сам удивился слову. Тащит, что блещит, даже чужие слова.

— На всю не дам, — сказал он спокойно. — Дам сколько решил. Большую часть. А остаток — добывай сама. У матери попроси, у неё есть отложенное, я знаю. Пусть и она поучаствует, раз ты у нас одна на двоих. Соберёшь недостающее — вот на что хватит, на то и хватит. И будешь знать, что хоть что-то досталось не даром.

Он и впрямь отдавал предел. Не из воспитательных соображений, не чтобы проучить — просто больше не было. А что не хватит даже на самую скромную, что придётся ей идти ещё и к матери, тянуть недостающее оттуда, — это выходило само собой, по бедности его, а не по умыслу. И он знал наперёд: Марьяна и эти триста-четыре тысячи у матери вытрясет, не моргнув, под Машу, под «ты же бабушка», под слёзы и обиды. Соберёт по двум карманам — отцовскому и материнскому — и получит квартиру, не ударив палец о палец. Так и будет. Он не обманывался.

Но иначе он не мог. Что было — отдал. До дна своих сбережений, до чёрного дня, который теперь придётся встречать ни с чем. Отдал, потому что отец, потому что дочь, потому что не умел отказать той, в ком давно разглядел всё, — и всё равно любил, безответно и устало.

Она не ушла ещё час. Сначала дулась, потом смирилась, потом уже прикидывала вслух, как подкатить к матери, под каким соусом, сколько просить. Пила второй кофе, показывала на телефоне фотографии дома — нарядные рендеры с сайта, зелёные дворы, счастливые семьи; про метраж пока не уточняла, гнала от себя мысль, что трёшки не будет, ещё цеплялась за картинку. Он слушал, кивал в нужных местах. Тихон спал на подоконнике, изредка подёргивая хвостом во сне — должно быть, гонял тех самых голубей.

А ещё он думал о том, что Марьяне тридцать два и она ни дня в жизни толком не работала. Институт — культурологию, на которую сама же рвалась, — бросила на третьем курсе: стало скучно, преподаватели придирались, не оценили. Потом были какие-то места — администратором в салоне, продавцом в бутике, помощницей у фотографа, — отовсюду она уходила через месяц-другой, всегда не по своей вине, всегда виноваты были другие: завистливые, серые, не доросшие до неё. Замужество за Олегом стало для неё, в сущности, способом больше не работать вовсе. Сидеть дома, с ребёнком, с собой, со своим образом. И теперь — со своей выпрошенной по частям квартирой. Она научилась жить за чужой счёт так естественно, словно это и был единственно возможный способ жить.

— Я переведу в пятницу, — сказал он. — Свою часть. Остальное — твоя забота.

Марьяна улыбнулась. Не той радостной улыбкой, на которую он, может, втайне надеялся, — а удовлетворённой пополам с досадой. Получила меньше, чем хотела. Но получила. А недостающее — выбьет. Она уже знала, что выбьет.

— Спасибо, папочка. Ты лучший. Хоть и жадничаешь.

Дверь закрылась. Тихон открыл один глаз, посмотрел на хозяина и закрыл обратно, всем своим видом показывая, что в этом доме наконец-то снова стало тихо.

Валентин Сергеевич вылил в раковину остатки кофе, вымыл обе чашки, поставил сушиться. Потом вернулся к окну. Старуха внизу всё ещё кормила голубей. Птицы не улетали — знали, что у неё всегда есть ещё горсть.

Он стоял и думал о том, что делает людей такими. Не плохими в простом смысле, не злыми — а вот такими, как Марьяна. Это был профессиональный вопрос, он задавал его себе тридцать лет, и ответа у него не было. Что-то происходит в детстве — или не происходит. Что-то формируется — или нет. Маленький зазор между «хочу» и «нельзя», который у большинства людей со временем затягивается, у некоторых так и остаётся открытым. Сквозняк на всю жизнь.

Он не знал, когда у Марьяны открылся этот зазор. Может, всегда был. Может, он сам что-то пропустил — в том возрасте, когда пропускать ещё нельзя, когда уходил из семьи, когда видел дочь по выходным и подаривал подарками вместо того, чтобы быть рядом. Откупался — тогда легко, от достатка. А теперь вот отдавал последнее, отрывая от себя, — и всё равно,

выходит, откупался, потому что ничего другого, кроме денег, дать ей не умел, да она другого и не брала. Может, он и научил её когда-то — что любовь это перевод на карту, что близость можно купить. Только сам-то он давал от любви, а она брала как должное. Где-то между его «дать» и её «взять» и пролёг тот самый сквозняк, и кто его впустил первым — отец уже не помнил.

Эта мысль была неприятной, и он, как профессионал, отметил её и отодвинул. Самобичевание — тоже форма расстройства, он и это знал.

Валентин Сергеевич был психиатром. Он понимал людей профессионально.

Собственную дочь он не понимал совсем.

В пятницу он перевёл деньги. Без звонка, без сообщения. Просто перевёл — и всё.

Марьяна написала в ответ: «спасибо папочка!!!» и три сердечка.

Он прочитал. Положил телефон экраном вниз. Взял кофе.

За окном шёл мелкий ноябрьский дождь. Тихон спал на диване — на своей половине, которая давно стала двумя третями.

* * *

Дома, вечером, уложив Машу, Марьяна открыла на телефоне сайт. «Смотри сама, на что хватит», — сказал отец. Вот она и смотрела.

«Финанс Дом». Жилой комплекс «Новая Жизнь». Тот самый глянцевый сайт, что она листала уже не раз, мечтательно, как листают каталог красивой жизни: солнечные рендеры, зелёные бульвары, счастливые семьи, «здесь начинается ваше будущее». Только теперь она листала его иначе — не мечтая, а считая. С калькулятором в голове. Впервые — трезво.

И трезвый счёт выходил неутешительный.

Трёшка с лоджией, та самая, с кухней в двадцать метров и видом на лес, — стояла столько, что Марьяна, увидев цифру рядом с реальностью, поморщилась, как от пощечины. Отцовской части не хватало и близко. Даже половины не выходило. Трёшку можно было закрывать — насовсем, вычеркнуть, забыть. Это она поняла сразу, хотя и не призналась себе вслух. Просто пролистнула трёшки дальше, будто их и не было, будто она и не на них смотрела минуту назад.

Двушки. Полистала двушки. Прикинула: отцовское плюс если мать добавит, сколько он сказал, триста-четырееста, — нет. Всё равно нет. На двушку не хватало тоже. Может, на самую маленькую, на окраине корпуса, окнами в стену соседнего дома, без отделки, голые бетонные стены, в которые ещё вбухивать и вбухивать на ремонт, которого взять неоткуда. Нет. Не выходило и так.

Оставались однушки.

Марьяна листала их, и лицо у неё делалось всё кислее. Вот оно, её будущее, в цифрах и квадратных метрах. Самая дешёвая однушка — тридцать три квадратных метра, третий этаж, окна во двор. С ремонтом от застройщика — «чистовая отделка, заезжай и живи», как было написано бодрым шрифтом. Вот на это, аккуратно на это, и хватало. Отцовская часть плюс материнские триста с небольшим — впритык, под ноль, на самую маленькую квартиру с самым простым застройщицким ремонтом. Ни метром больше. Ни видом на лес, ни лоджией, ни кухней-гостиной — тридцать три метра, окна во двор, на парковку и баки.

Она долго смотрела на эту планировку. На прямоугольничек комнаты, прямоугольничек кухни, малюсенький санузел. Тридцать три метра. Вот и весь простор, который ей нужен, вот и весь воздух, вот и вся не-как-у-всех жизнь. Тесная коробочка. Единственное, на что хватало.

На секунду подступило что-то горькое, обиженное, унижительное — словно её и впрямь обсчитали, обделили, недодали положенного. Она же достойна большего. Она же не для такой тесноты создана. А вот — теснота. Тридцать три метра. Всё, что наскребается из отца и матери, из последнего, что у стариков есть.

Но горечь она, по своему обыкновению, тут же замазала — удобной мыслью. Ну и ладно. Ну, для начала. Это пока. Это временно. Зато своё. Зато с ремонтом, заезжай и живи, не возиться. Зато в новом доме, в красивом районе, «Новая Жизнь». А там — там видно будет. Продам потом, доплачу, перееду в ту самую трёшку. Вот заживу — и перееду. Это так, ступенька. Я ж не собираюсь тут навсегда.

Она не знала ещё, что навсегда. Что эти тридцать три метра, выпрошенные по частям у родителей, станут ей не ступенькой, а потолком, клеткой, последним и единственным её приобретением, из которого она уже никуда не шагнёт — только вниз. Что красивое слово «Новая Жизнь» обернётся для неё концом всякой жизни. Она ещё мечтала о трёшке как о следующем шаге. А это был не первый шаг наверх. Это был верхний этаж, с которого начинался спуск.

Но в тот вечер она отложила телефон, решив, что однушка — это унизительно, но временно, и что мать надо дожимать поскорее, пока хорошие квартиры не разобрали. И пошла спать, прикидывая, под каким соусом подъехать к Людмиле.

Недостающее Марьяна добрала у матери.

Это вышло у неё легко — легче, чем с отцом. Людмиле она преподнесла всё под нужным соусом: отец, мол, расщедрился, почти всю квартиру даёт, осталась самая малость, триста тысяч, ну неужели ты, мать родная, для единственной дочери и внучки пожалеешь, отец-то вон не пожалел. Сыграла на ревности к бывшему мужу, на бабушкиных чувствах, на «все дают, а ты что». Поплакала немного, обиделась немного, надавила немного — весь привычный её набор. И Людмила, поохав, поскрипев, достала отложенное — те самые триста с небольшим тысяч, что копила себе на чёрный день. Достала и отдала. Потому что мать. Потому что внучка. Потому что Марьяна умела брать у тех, кто любит.

Так и собралась эта квартира — по кусочкам, из двух родительских карманов, из последнего, что было у двух немолодых людей. Отец отдал свою старость. Мать — свою заначку. А Марьяна свела это вместе и получила своё — тридцать три метра, не ударив пальцем о палец, не заработав ни рубля. И ни на секунду не почувствовала, что взяла у стариков последнее. В её глазах они отдали то, что были должны. Положенное. Ей.

Квартиру в доме, который ещё не называли Матрасом, оформили на Марьяну. Только на неё — это было её условие. Она проговорила его вскользь, между делом, как само собой разумеющееся:

— Оформим на меня, так проще. Я же занимаюсь.

И Олег не возразил. Он вообще редко возражал. Сидел на кухне их съёмной квартиры, чинил Машин сломанный самокат — подтягивал гайку, проверял колесо, — и сказал, не поднимая головы:

— Как скажешь. Тебе виднее.

Ему виднее не было. Он привык, что в таких вещах решает она. Деньги, бумаги, кому что оформить — это была её территория. Его территорией были гайки, колёса, полки, розетки. Каждому своё, думал он, и в этой простой мысли находил покой.

В день подписания документов Марьяна сфотографировалась у входа в офис застройщика — стеклянная дверь, логотип «Финанс Дом», она с папкой бумаг, улыбается. Выложила в ВКонтакте. Подпись: «Новая глава. Наконец-то свой ключ».

Лайков было немного — десяток, подруги, пара бывших одноклассниц. Но она не строилась.

Главное — квартира была её.

Только её.

* * *

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.